

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Феликса Вячеславовича
Макаричева «Художественная индивидуология в поэтике
Ф.М.Достоевского», представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - Русская
литература**

Исследователи творчества Ф.М.Достоевского с давних пор обращали внимание на то, что в различных его произведениях есть герои, обнаруживающие при внимательном анализе немало общего между собой. В связи с этим предпринимались неоднократные попытки создать четкую типологию героев Достоевского, какие существуют относительно героев Пушкина и Тургенева (например, в замечательной книге В.М.Марковича «Человек в романах Тургенева»). Однако попытки эти в полной мере не удавались. Творчество Достоевского как будто бы этому сопротивлялось. Предложенные типологии или были не слишком убедительными, или требовали бесчисленных оговорок относительно трансформаций, которые претерпевал один и тот же, по мнению исследователей, характер в разных произведениях.

Тем не менее, исследователи продолжали размышлять на эту тему. Сам материал их на это «провоцировал» в хорошем смысле этого слова. И вот, наконец, появилась работа Феликса Вячеславовича Макаричева, которая представляет собой новое яркое и обстоятельное исследование этой стороны поэтики Достоевского.

Само по себе центральное понятие его работы: «индивидуология» - при всей его спорности (а спорным нам обычно кажется любое новое и не вошедшее еще в научный оборот понятие) – представляется вполне уместным и даже в работе такого плана, наверное, необходимым. Его необходимость обусловлена реальным развитием русской литературы XIX века, в которой гоголевские «типы» (порожденные его индивидуальной, «синтетической» манерой письма) постепенно сменяются индивидуальными и неповторимыми

характерами, которые ярче всего представлены в творчестве Достоевского и Толстого с их «анализмом». В перспективе, в литературе XX века это приведет к возникновению неуловимых, неравных самим себе и все время изменяющихся характеров, затем к тому, что художественное воплощение представления о существовании у человека «характера» в литературе исчезает и, наконец, к исчезновению героя вообще. Так что понятие «индивидуологии» позволяет адекватно описать ту промежуточную фазу художественного воплощения представлений о человеке, к которой относятся произведения Достоевского.

Разумеется, одного только нового понятия для этого недостаточно. Однако автор диссертации сопровождает его целым рядом существенных наблюдений и идей относительно того, как в этой «индивидуологии» Достоевского проявляются возможности художественной типологии и характерологии.

Так, например, он обращает внимание на то, что некоторые традиционно выделяемые «типы» обнаруживают свойство сопрягаться в одном образе героя, так что типологические границы между ними размываются как несущественные. Подобные «типоопределяющие» признаки – такие как «двойничество», «идеологизированность», «юродство», «шутство», «приживальщичество» исследователь уподобляет художественным стихиям.

При этом художественный мир Достоевского не теряет своей эстетической устойчивости вследствие динамической синтетичности различных взаимосочетаемых признаков и свойств в образах героев, которая, как справедливо отмечает диссертант, вырабатывалась во многом в ходе подготовительной работы писателя к созданию окончательного текста произведения. Питательной почвой для индивидуализации героев Достоевского автор работы полагает полистихийность природы того или иного героя, то есть способность откликаться на различные, иногда противоположные интенции типологически «силовых полей».

Ф.В.Макаричев показывает, как откликаются в героях Достоевского различные мировые и национальные «сверхтипы» вроде Гамлета и Дон-Кихота, хлестаковщины и обломовщины. Он обосновывает возможность парадоксальных сочетаний разных эстетических ориентиров и динамичных переходов от одного к другому, а также эстетического взаимовлияния героев.

При всей диалектической проработке диссертантом понятия «индивидуологии» остается все-таки вопрос, на который в работе нет, как мне представляется, полного ответа. Если то, что у Достоевского нет «типов», не вызывает особых сомнений, то относительно категории «характера» хочется спросить. Нельзя ли все же, говоря о героях Достоевского, сохранить все-таки ее, оговорив, что речь идет уже не только о внутренне противоречивом и многостороннем характере, как у Пушкина, а уже о характере динамичном, неравном самому себе и даже парадоксальном.

Между прочим именно эту парадоксальность своих характеров Достоевский четко формулировал в рабочих тетрадях. Например: «Лебедев – гениальная фигура. И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним. Надувши, наивно и искренно стыдится Князя» (9, 253), «Аглая чтоб была ребенок и бешеная женщина вместе)» (9, 289)

Второй вопрос, который хотелось бы задать Ф.В.Макаричеву, носит более частный характер. Отрицая правомерность выделения в творчестве Достоевского типа «героя-идеолога», он отмечает, что «"идеология"» выступает у писателя в разном виде: как личная «идея-страсть», как сложившаяся система взглядов, как социально-типовая идея поколения или класса, как мысль общенационального масштаба. Кроме того, для писателя важны художественные обобщения «капитальных» идей – христианской, коммунистической и буржуазной». Однако если мы возьмем, например, не тип героя-идеолога вообще, а характер, ассоциирующийся с определенной философией, то некий инвариант его ощущается достаточно четко. Так, например, герой-штирнерианец представлен у Достоевского такими его гедонистическими вариантами, как Свидригайлов и Федор Павлович

Карамазов, или такими прагматическими эгоистами, как князь Валковский и Лужин и т.п. Значит, если говорить не об идеологии вообще, а о конкретных идеологиях, которые исповедуют или только декларируют те или иные герои Достоевского, то тогда если не типология, то «характерология» их возможна?

Подчеркну при этом, что с большинством высказываемых в диссертации положений я вполне солидарен. Мне кажется достаточно плодотворным его предложение рассматривать двойничество-приживальщичество-юрродство не порознь, а как некую систему/градацию ориентиров для интерпретации образной системы Достоевского. «Приживальщичество» при таком подходе оказывается более тонкой и пластичной ипостасью «двойничества». Правда, «юрродство» в этом случае в этой триаде занимает, по всей видимости, несколько иное, отдельное место, если я правильно понимаю мысль автора. И в этом плане предложенная им типология юрродства и вариативности его выражения в творчестве Достоевского, возможно, снова в какой-то степени оправдывает «характерологический», а не только «индивидуологический» подход к галерее героев Достоевского.

Не вызывают с моей стороны особых возражений положения диссертанта о «типологическом» и «стихийном» в поэтике образа шута приживальщика, о художественном синтезе юрродства, шутовства и идеологизма в стихии приживальщичество, о синтетичности и полифункциональности образов в художественном мире Достоевского. Вообще в третьей и четвертой главах диссертации, о которых, к сожалению, нет возможности говорить здесь подробно, очень много ценных исследовательских разработок, обогащающих и уточняющих современные научные представления о художественном мире Достоевского.

Для того, чтобы лишний раз подчеркнуть актуальность диссертации Ф.В.Макаричева, приведем обширную цитату из автореферата другой докторской диссертации о Достоевском, которая намечена к защите в феврале 2017 году в МГУ им. М.В.Ломоносова – работы А.Б.Креницына

«Сюжетология романов Ф.М.Достоевского»: «Для реализма эпохи Достоевского традиционно было выстраивать образ героя как социальный тип. И сам писатель все время свидетельствует, что его герои – типичны: “русская натура”, “петербургский тип”, “подпольный тип”, “человек русского большинства”, человек из “случайного семейства”. Однако герои романов своим эксцентричным поведением открыто свидетельствуют, почти “кричат” о своей неповторимой оригинальности. Самой своей экспозицией они задаются как *странные*, из ряда вон: шуты, фанатики, чудаки, одержимые. Достоевского увлекают исключительные романтические образы с сильным характером, но в рамках реалистического жанра они могут показать свою внутреннюю силу только в преступлении, вследствие своей асоциальности. Таким образом, Достоевский демонстрирует нам **не тип, а атипичность**. Однако, изображая исключительность, он хочет представить ее характерным типом, смело меняя местами крайность и норму» (с.22 – 23).

В диссертации встречаются некоторые стилистические огрехи, немногочисленные библиографические пропуски. Так, например, если я не ошибаюсь, прошла мимо внимания ее автора, правда, едва лишь намеченная совсем попытка построить типологию героев Достоевского в статье А.Б.Галкина «Образ Христа и концепция “человека” в романе Ф.М.Достоевского “Идиот”» (Роман Ф.М.Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сб. работ под ред. Т.А.Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 331-333). Однако, к счастью, эти огрехи и пропуски совсем немногочисленны и поэтому не могут снизить общее впечатление о полном соответствии ее требованиям, предъявляемым к работам, выдвигаемым на соискание степени доктора филологических наук.

Все сказанное позволяет утверждать, что диссертация Ф.В. Макаричева «Художественная индивидуология в поэтике Ф.М. Достоевского», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена важная историко-литературная

проблема, имеющая большое значение в области гуманитарных знаний. Содержание данной работы можно квалифицировать как научное достижение. Работа соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Феликс Вячеславович Макаричев заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Автореферат и имеющиеся публикации соответствуют содержанию диссертации.

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
новой русской литературы
Федерального государственного учреждения науки
«Институт русской литературы (Пушкинский Дом)»
Российской Академии наук

Сергей Акимович Кибальник

г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
т. 328-19-01
E-mail: kibalnik007@mail.ru
30.01.2017

